

ДАННО замечено, что сочинения Чехова — всеобъемлющие, вобравшие в себя всю тогдашнюю Россию, практически в них представлены все «типы» людей, ее населявших. Женщины, конечно, не были исключением.

Писатель создал такую галерею женских портретов, которая и по сей день вызывает удивление читателя: откуда у этого скромного врача в пенсне знание столь сложного и деликатного предмета во всех его разновидностях и нюансах? Но таков уж метод Чехова-реалиста: он всегда дает исчерпывающее художественное исследование заинтересовавшего его явления. Чеховские портреты «новых женщин», сами по себе чрезвычайно занимательные, показывают замечательное умение писателя подойти к непростой теме с самых разных сторон.

Возьмем предельно, казалось бы, далекие, от «женского вопроса» чеховские путевые очерки «Из Сибири». Сухая статистика глухой провинции, описания ссылки и каторги разговору о женщинах способствуют мало. И все же Чехов эту тему неожиданно и вполне компетентно затрагивает: «Женщина здесь так же скучна, как сибирская природа: она не колоритна, холодна, не умеет одеваться, не поет, не смеется, не милостива и, как выразился один старожил в разговоре со мной: «жестка на ощупь». Когда в Сибири со временем нарождаются свои собственные романисты и поэты, то в их романах и поэмах женщина не будет героиней; она не будет вдохновлять, возбуждать к высокой деятельности, спасать, идти «на край света».

На первый взгляд, чеховская характеристика сибирских женщин из образованных сословий, написанная для «проходного», путевого очерка, холодновата и опирается только на бесстрастную статистику и свидетельства местных жителей. Здесь царит документ, исправно дающий цифры и факты для записной книжки очеркиста-газетчика из «Нового времени», каковым и был Чехов в этой поездке.

И вместе с тем для любого внимательного читателя очевидна высота художественного обобщения, содержащегося в этой сухой «статистике» и доступного лишь выдающемуся художнику. Эта серьезная и глубокая мысль стала живым образом. Характеристика местных сибирских женщин «дана в чеховских путевых набросках со свойственным писателю беспощадным реализмом, он и в газетной публицистике не поступился художественной правдой.

В то же время Чехов показывает, что в столь суровых жизненных условиях сохранять верность идеалам героинь романа Чернышевского «Что делать?» трудно, монотонная беспощадная действительность неизбежно перемалыва-

ГЕРОИНЯ, БЛУДНИЦА ИЛИ ПОКОРНАЯ РАБА?

Смт. Россия. — 1993. — 29 сент. (№ 4)

ет и обесцвечивает любой возвышенный пафос, разительно перерождает женщину. Здесь с писателем, конечно, можно спорить, ибо и в этих условиях лучшие женщины хранили верность идеалам.

Но для нашей темы в его размышлениях важно другое: в этом описании Чехов как бы «от противного» дает портрет типичной «новой женщины»: она — героиня, вдохновляет мужчину, зовет его к высокой деятельности, спасает, готова идти с ним на край света и т. п. Таков идеал, норма. Другое дело, что героиня эта все время меняется, Чехов-художник показывает ее сложную эволюцию во многих своих произведениях. Все его портреты «новых женщин» друг с другом связаны. Возьмем лишь один характерный пример.

В 1891 году в той же газете «Новое время», где печатались чеховские очерки из Сибири, появляется его фельетон «В Москве», сатирический портрет московского интеллигента. Разумеется, у интеллигента есть возлюбленная из числа передовых женщин: «Одета скверно, «без претензий», причесана глупо-преглупо; беру ее за талию — корсет хрустит; целую в щеку — щека соленая. Она сконфужена, ошеломлена и озадачена; помилуйте, как сочетать честное направление с такою пошлостью, как любовь?.. Я предлагаю вам свою дружбу! Но я говорю, что мне мало одной дружбы... Тогда она кокетливо грозит мне пальцем и говорит:

— Хорошо, я буду любить вас, но с условием, что вы высоко будете держать знамя...

Потом, живя с нею, я узнаю, что и у нее тоже отдушина в пекле заткнута кофтой, и что и у нее под кроватью бумаги пахнут кошкой, и что и она тоже мошеничает в спорах и на картинных выставках, как попугай, лепечет о воздухе и экспрессии. И ей тоже подавай идею! Она втихомолку пьет водку и, ложась спать, мажет лицо сметаной, чтобы казаться моложе. В кухне у нее тараканы, грязные мочалки, вонь... И я беру! беру! Мой роман летит к черту, а она, важная, умная, презирающая, всюду ходит и пишет про меня:

— Он изменил своим убеждениям!

Конечно, это фельетон; сатира и карикатура в духе тургеневской Кукиной из «Отцов и детей». Изображена особа

неумная и пошлая, желающая казаться «новой», передовой, ибо такова мода. Но художественное обобщение, острая писательская наблюдательность присутствуют и здесь, в шаржированном портрете. Это уже намеченный тип, требующий развития. Отсюда тянутся нити к очень серьезным и глубоким произведениям Чехова. Собственно, этот веселый шарж и внешне бесстрастное статистическое описание сибирских женщин — те границы, в которых существует множество интереснейших чеховских вариаций на тему «новая женщина».

Ясно, например, что фельетон «В Москве» и написанный в том же 1891 году и напечатанный в том же «Новом времени» чеховская повесть «Дуэль» теснейшим образом связаны, и особенно в трактовке образа «новой женщины». Достаточно вспомнить рядового либерала Лаевского, «идейно» сошедшегося с замуженной образованной женщиной и уехавшего с ней все на тот же «край света» (сквозной образ у Чехова) трудиться и бороться вместе, служить общим высоким общественным идеалам. Что из всего этого вышло, мы узнаем из слов разочаровавшегося во всем Лаевского: «Жить с женщиной, которая читала Спенсера и пошла для тебя на край света, так же неинтересно, как с любой Анфисой или Акулиной. Так же пахнет утюгом, пудрой и лекарствами, те же папилютки каждое утро и тот же самообман...».

Все детали портрета фельетонной «передовой» дамы — папилютки, ложь, неопрятность, дурная кухня, — все это перешло к героине «Дуэли» Надежде Федоровне. И в то же время ясно, что между этими женщинами — дистанция огромного размера. Надежда Федорова — не карикатура, а живая женщина, и ее слабость, порочность, ложь, измены это только подтверждают. Ибо, сойдясь с Лаевским по всем правилам «гражданского» брака, как это принято у передовых женщин, она постепенно стала жить не согласно роману «Что делать?», а по логике реальной жизни. А жизнь отнеслась к Надежде Федоровне с присущей ей жестокостью, чрезвычайно усложнив ее судьбу.

На краю света люди так же презирали и оскорбляли сбежавшую от мужа женщину, считая ее падшей. Ее «герой» оказался слабым человеком, поэром и

фразером, профессиональным бездельником, игроком и алкоголиком, и к тому же Надежда Федоровна быстро ему наскучила, чего и следовало ожидать. Она ощутила и свою чисто женскую слабость, непривычные тяготы быта, бедности, болезней, всеобщего осуждения, и отсюда ее метания и падения. Никакие швейные мастерские, библиотеки и переводы спасти Надежду Федоровну не могут, и она это начинает медленно понимать. Чехов с замечательным проникновением показывает запутанную диалектику слабой женской души.

Казалось бы, писатель ведет нас к разоблачению очередной «новой женщины», но задача Чехова не такова. Его героиня вызывает у читателя все большую жалость и сочувствие. Вместе с тем она меняется, начинает понимать и принимать уроки жизни. А с ней меняется и Лаевский.

Либеральный мужчина и «новая женщина» в данном случае далеко удаляются от прежних своих ролей и надуманных поступков и, умяя, идут навстречу друг другу. Конец этой истории вовсе не в их браке, а в разговоре Лаевского с Надеждой Федоровной перед дуэлью: «Он пригладил ее волосы и, всматриваясь ей в лицо, понял, что эта несчастная, порочная женщина для него единственный близкий, родной и незаменимый человек». Прозрение, пусть поздно, наступило. Теперь они вместе будут добиваться «настоящей правды», как сказано в эпилоге чеховской повести. Так что героине «Дуэли» повезло больше, нежели Зинаиде Федоровне из чеховского «Рассказа неизвестного человека», разочаровавшейся во всем, в том числе и в идеалах «новых женщин».

Чехов в своей прозе и пьесах не только дает женщинам возможность показать себя, выявиться до конца, но и в то же время позволяет мужчинам открыто высказаться о женском вопросе. Здесь обращает на себя внимание красноречивая простота мнений и глубина заблуждений.

Вот что, например, говорит Лихарев в рассказе «На пути»: «...женщина всегда была и будет рабой мужчины... Она нежный, мягкий воск, из которого мужчина всегда лепил все, что ему угодно. Господи боже мой, из-за грошевого мужского увлечения она стригла себе воло-

ЧЕХОВ И «НОВЫЕ ЖЕНЩИНЫ»

С. 10-11.

сы, бросала семью, умирала на чужбине... Между идеями, для которых она жертвовала собой, нет ни одной женской... Беззаветная, преданная раба! Сильно сказано. Это весьма серьезные выводы, в них есть немалая правда, иначе Чехов не дал бы Лихареву слова.

И все же идеи Лихарева далеки от авторских мыслей. Не стоит забывать, что красноречивый разоблачитель женщин сам разоблачен в этом замечательном рассказе как человек без руля и ветрил, слепо верующий в любую модную общественную идею или учение.

Это все та же вечная для нашей литературы тема «Русский человек на randevу», в свое время столь точно сформулированная Чернышевским и продолженная Чеховым в пьесе «Иванов», где за потерявшего веру в жизнь и идеи героя борются сразу две «новые женщины» — жена и Саша Лебедева — и ничего не могут сделать с ним своей жертвенностью и деятельной любовью. К списку разоблаченных на randevу с «новой женщиной» мужчин следует прибавить Огнева из рассказа «Верочка» и Орлова и Владимира Ивановича из «Рассказа неизвестного человека».

Так что никак нельзя представить Чехова гонителем «новых женщин», хотя такие его героини, как энергичная бездушная «прогрессистка» Лида из «Дома с мезонином», свидетельствуют о неизбежных издержках и трагических ошибках женской эмансипации, на которые писателю пришлось ответить гениальной Душечкой, женщиной подлинной и вечной. Но, изображая женщин, он идет не от героини фельетона «В Москве» к Раневской из «Вишневого сада», а от Верочки из одноименного рассказа к Наде из «Невесты». Не случайны имена этих с любовью описанных героинь — Вера и Надежда. Здесь высказаны чеховские надежды и вера в лучших женщин России, их силу духа и любви, жажду изменить жизнь, найти новую, правильную дорогу в изменяющемся мире. Этими образами Чехов показал, что у новых женщин есть будущее.

Всеволод САХАРОВ